

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112

Дата поступления: 12.06.2024

рецензирования: 13.07.2024

принятия: 15.11.2024

Эвокативность прецедентных имен собственных в новейшем немецкоязычном художественном дискурсе**Ю.А. Блинова**Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: jublinova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2876-8826>

Аннотация: В статье на материале произведений второго десятилетия XXI в. современных немецкоязычных писателей анализируется реализация эвокативной функции прецедентных имен и названий в немецком новейшем художественном дискурсе как механизме создания дополнительных имплицитных смыслов. Прецедентные онимы обладают свойством эвокативности и служат на содержательном уровне эвокативными шифтерами, обеспечивающими переключение между различными концептуальными областями и актуализацию лингвокультурных концептов. В качестве образных сравнений, метафор и метонимий они выполняют функцию эвокативных триггеров, создающих импликации. Обладая большой ассоциативной нагрузкой, они позволяют додумывать и догадываться об опущенной или подразумеваемой авторами информации. Использование прецедентных имен и названий в художественном дискурсе является культурно-интеллектуальной коммуникативной стратегией, позволяющей авторам управлять восприятием и интерпретацией прочитанного. Поэтому их можно считать маркерами не только культурно значимой, но и имплицитной информации. В целом прецедентные онимы реализуют тенденцию к имплицитности, fascinativности и suggestivности, что способствует увеличению экспрессивности, эмоциональности и эстетического воздействия художественного текста.

Ключевые слова: прецедентные имена; эвокативность; эвокативные триггеры; эвокативные шифтеры; имплицитность; fascinativность; suggestia; дискурс художественной литературы; немецкий язык.

Цитирование. Блинова Ю.А. Эвокативность прецедентных имен собственных в новейшем немецкоязычном художественном дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 4. С. 205–213. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-205-213>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Блинова Ю.А., 2024

Юлия Анатольевна Блинова – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.06.2024

Revised: 13.07.2024

Accepted: 15.11.2024

Evocative properties of precedent proper names in the newest German-speaking fictional discourse**Yu.A. Blinova**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: jublinova@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2876-8826>

Abstract: The article based on the works of the second decade of the XXI century of the modern German-speaking authors analyses and describes the realization of the evocative function of precedent proper names in the newest German fictional discourse as a mechanism for creation of extra implicit meanings. Precedent names possess the evocative property and act as evocative shifters that allow for shifts between various conceptual fields and actualization of lingua-cultural concepts on the level of content. In the capacity of figurative analogies, metaphors and metonymies they act as evocative triggers, creating implications. Carrying deep associative meaning, they allow for thinking out and speculating about information that is omitted or implied by the authors. Usage of precedent names in fictional discourse is a cultural and intellectual communicative strategy that allows authors to control the perception and interpretation of the information read. Thus they can be considered as markers for both culturally important and implicit types of information. In general, precedent names realize the tendencies for implicitness, fascinativity and suggestivity that contribute to the increase in expressiveness, emotionality and aesthetic impact of a fictional text.

Key words: precedent proper names; evocativity; evocative triggers; evocative shifters; implicitness; fascinativity; suggestivity; fictional discourse; the German language.

Citation. Blinova Yu.A. Evocative properties of precedent proper names in the newest German-speaking fictional discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 205–213. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-205-213>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Blinova Yu.A., 2024

Yulia A. Blinova – Candidate of Philological Sciences, associate professor at the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В современных лингвистических исследованиях категория прецедентности занимает прочное место в изучении художественного дискурса, поскольку анализ прецедентных феноменов открывает доступ к фоновым знаниям автора и реципиента, позволяет выводить импликатуры и пресуппозиции на основе знания прецедентных текстов и ситуаций, а значит, и исследовать механизмы формирования скрытых смыслов, базирующихся на взаимодействии языковых и энциклопедических знаний. Прецедентность рассматривается как когнитивная категория художественного дискурса и трактуется как способ фиксации результатов концептуализации и категоризации аксиологически значимых фрагментов социального опыта в концептосфере определенной лингвокультуры [Каменская 2021, с. 116].

Прецедентные имена и названия представляют собой по своим функционально-семантическим характеристикам особую группу имен собственных, позволяющих объединить разнородные прецедентные феномены в одну микросистему. В художественном дискурсе они выступают, как правило, формой метонимической замены прецедентных текстов и ситуаций и служат маркерами культурно значимой информации в определенной эпоху, поскольку они актуализируют фоновые знания и апеллируют к «культурной памяти» читателя.

Под прецедентным именем мы понимаем особую группу имен собственных с широко известным денотатом, занимающую промежуточное положение между именами собственными и нарицательными. По своим функционально-семантическим характеристикам они приближаются к именам нарицательным, но остаются в статусе имен собственных, поскольку, несмотря на семантические преобразования, сохраняют связь с носителем имени. К признакам прецедентных имен собственных относятся: широкая известность денотата; его когнитивная и эмоциональная значимость в рамках лингвокультурного сообщества; наличие единичного экстенционала, коннотаций и ассоциаций, составляющих прагматический компонент значения, богатый тропеический потенциал, обуславливающий их способность к семантическим преобразованиям; употребление в дискурсе в качестве средств вторичной номинации; характеризующая и экспрессивно-оценочная функции в дискурсе, способность к ситуативному переходу в имя нарицательное [Блинова 2007, с. 7–8].

Структура значения прецедентного имени поддается моделированию. К интенционалу или ядру значения мы относим обязательные семантические признаки, позволяющие отличать денотат данного имени от других возможных носителей данного имени. Импликационал, вариативную часть значения, составляет совокупность ассоциативных и оценочных признаков, обуславливающих семантические преобразования и тропеический потенциал имени [Блинова 2007, с. 5]. Именно особенность значения прецедентного имени и его высокий тропеический потенциал лежат в основе эвокативного механизма порождения скрытых смыслов.

Так, известный немецкий ономастолог Фолькер Кольхайм отмечает, что прецедентные имена, так же как и любые имена собственные, обладают свойством эвокативности, т. е. способностью вызывать определенные ассоциации и оказывать влияние на восприятие читателя и его интерпретацию скрытых смыслов [Kohlheim 2019, S. 262]. Ульрике Хорстманн отмечает эвокативную функцию прежде всего у мифонимов и онимов библейского происхождения. Как правило эти имена не сопровождаются какими-либо пояснениями и фигурирует в качестве метафор и аллюзий, требуя от читателя энциклопедических знаний [Horstmann 2001, S. 48]. Поэтому функции прецедентных имен собственных в художественном дискурсе заслуживает отдельного внимания.

Целью настоящей статьи является анализ реализации эвокативной функции прецедентных имен в немецком новейшем художественном дискурсе как механизме создания дополнительных имплицитных смыслов.

В качестве материала исследования были выбраны произведения известных современных немецкоязычных авторов, вышедших в свет во втором десятилетии XXI в. Это роман немецкой писательницы Юдит Шалански (Schalansky, geb. 1980) *Der Hals der Giraffe* («Шея жирафа») (2011), Olga знаменитого немецкого прозаика Бернхарда Шлинка (Schlink, geb. 1944), *Über Menschen* (2021) Юли Цее (Zeh, geb. 1974) и псевдоисторический роман Сох oder *Der Lauf der Zeit*, (Кокс, или Бер времени, 2016 г.) австрийского писателя и журналиста Кристофа Рансмайра (Ransmayr 2018).

Эвокативность как языковая категория

Феномен эвокативности как языковая категория вызывает у исследователей-лингвистов растущий интерес, поскольку ее изучение в рамках дискурсивно-когнитивного подхода позволяет описывать

механизм порождения и интерпретации сложных семантических форм, создающих имплицитные и косвенные смыслы. Под эвокативностью в лингвистике понимается способность вызывать особого рода интерпретацию, основанную на операции когнитивного блендинга (контаминации смыслов), в процессе которого создается семиотически сложный план содержания [Беданоква 2015, с. 23]. А.А. Хабаров подчеркивает, что эвокативность представляет собой когнитивный феномен и используется в дискурсе как суггестивный прием психологического воздействия с целью формирования общего знания, вербальной реализации аксиологической позиции адресата речи, актуализации идеологем и базовых концептов [Хабаров 2021, с. 111].

Следует отметить, что в отечественных лингвистических исследованиях нет единого мнения о свойстве языковых единиц, выполняющих эвокативную функцию в дискурсе. Наряду с понятием «эвокативность» встречается и эвокация. Так, М.В. Коновалова сопоставляя использование термина «эвокация» в отечественной и зарубежной науке, подчеркивает его востребованность в англоязычном литературоведении и приходит к выводу, что это понятие означает процесс вызывания в памяти читателя различных образов, напрямую связанных с воплощаемыми в произведении. Это может быть и обращение при помощи литературных образов к образам в памяти читателя и ассоциирующимися с названными героями, пейзажами и т. д. Таким образом, это явление близко к аллюзии и художественному приему, усиливающему выразительность произведения [Коновалова 2016, с. 24–25].

З.К. Беданоква рассматривает эвокативность как интенциональный механизм контаминации значимостей формы, содержания и употребления языкового знака, реализуемый посредством ассоциативных механизмов речемыслительной деятельности. Кроме того, подчеркивается связь эвокативности с такими категориями, как имплицитность, прецедентность, подтекст, непрямоe говорение, языковая игра, коннотация, тропеизация и т. д., которые составляют ее функционально-семантическое поле и взаимодействуют между собой по принципу дополненности. Эвокативные свойства языковых знаков вызывают со стороны реципиента особую интерпретативную деятельность, вынуждая его к созданию нового, интегрального смысла языковой формы. Для идентификации дополнительных скрытых смыслов от него требуется когнитивное усилие. З.К. Беданоква объясняет сложность этого ассоциативного механизма интерпретации тем, что в его основе лежит допустимость, прецедентность, интертекстуальность. Более того, она зависит от языковой и интертекстуальной компетенций автора и реципиента (Беданоква 2018, с. 14).

Особый интерес для лингвистов представляет изучение способов реализации и приемов эвокативности в дискурсе, позволяющих описывать

процесс формирования скрытых смыслов и заданную автором интерпретацию неявных смыслов. Так, активизация эвокативной интерпретации осуществляется специальными средствами: шифтерами и триггерами. Под *триггерами* понимаются маркирующие эвокативность элементы плана выражения, к которым относятся различные языковые средства, стилистические приемы и тропы. *Шифтерами* являются переключатели концептуальных областей и средства их концептуального блендинга. В качестве этих векторных переключателей в содержательном плане называют: инвокацию, ревокацию, провокацию, профонацию и эквивокацию. В качестве шифтеров могут выступать прецедентные тексты. Ревокация строится на использовании прецедентных феноменов. При этом прецедентность трактуется как блендинг двух форм – актуальной и прецедентной, а при употреблении прецедентного феномена в дискурсе осуществляется ревокация, т. е. его возрождение (переозвучивание) (Беданоква 2018, с. 29–32).

Эвокативность, так же как и любая языковая категория, охватывает определенные языковые единицы и стилистические приемы. Так, к эвокативным приемам, совмещающими форму плана выражения и форму плана содержания, относят контаминацию, заимствования и прецедентные феномены (Беданоква 2018, с. 19–21).

Эвокативная функция прецедентных имен

Ономастическое пространство новейшего немецкоязычного романа заметным образом расширяется за счет прецедентных имен и названий, насыщающих текст, с одной стороны, дополнительной образностью и обеспечивающих связь с действительностью и аутентичность произведения, а, с другой стороны, создающих трудности при понимании и интерпретации текста, если стоящие за ними феномены неизвестны читателю, поскольку их значение не выводится из контекста и они создают дополнительные, неявные, скрытые смыслы. Изучения состава прецедентного ономастикона и эвокативной функции имен в зависимости от их класса дают возможность описать механизм порождения имплицитных смыслов, а также заданный автором угол прочтения и интерпретации художественного произведения.

Прецедентный ономастикон любого новейшего немецкоязычного романа складывается из следующих классов имен собственных: антропонимов, мифонимов, онимов библейского происхождения, литературных, кинематографических онимов, топонимов, хрононимов, хрематонимов. Следует отметить, что различия наблюдаются лишь в количественных данных. Как показывает анализ эмпирического материала, наиболее малочисленные группы представляют собой прецедентные мифонимы и онимы библейского происхождения.

Механизм эвокативности запускается прецедентным именем как на содержательном, так и уровне плана выражения, поскольку прецедент-

ные онимы могут выступать в качестве эвокативных шифтеров и триггеров. На концептуальном уровне прецедентные имена обеспечивают контаминацию двух разных концептуальных полей, что вызывает определённый эффект. Кроме того, в тропеической функции они являются триггером эвокативности, вызывая соответствующие ассоциации и индуцируя скрытые смыслы.

Эвокативным триггером в художественном дискурсе могут служить сравнительные конструкции с различными классами прецедентных имен. В структуре этих конструкций выделяется три элемента. Это тема сравнения (то, что сравнивается), образ или эталон (то, с чем сравнивается) и признак, на основании которого производится сопоставление. Причем прецедентное имя выступают в сравнительных конструкциях в качестве образа сравнения, а актуализируемый импликациональный признак имени служит признаком сравнения. В роли сравнительного элемента могут выступать сравнительные союзы *wie* и *als*. Так, в романе Кристофа Рансмайра «Кокс, или Бег времени» прецедентное название библейского происхождения *Arche Noah* («Ноев ковчег») используется в качестве образного сравнения корабля «Сириус», на котором главный герой, знаменитый английский часовой мастер Алистер Кокс со своими помощниками приезжает в Китай ко двору императора Цяньлуна. Общим для них признаком, на основании которого происходит сопоставление, является признак из области импликационала *Arche Noah* «судно, на котором было много разнообразных животных и птиц», ср.:

Aber wie eine von einem Allmächtigen beschützte Arche Noah voll metallener Wundertiere – aus Silber und Gold geschmiedete und mit Juwelen besetzte, radschlagende Pfaue, mechanische Leoparden, Affen und silberhaarige Polarfüchse, Eisvögel, Nachtigallen und Chamäleons aus vergoldetem Kupferblech, die ihre Farben von Rubinrot zu tiefsten Smaragdgrün wechseln konnten – war die Sirius nicht hinabgefahren zum Grund, sondern hatte nach langwierigen Reparaturarbeiten an feindseligen Küstenstrichen wieder Segel gesetzt und den Kurs genommen auf ein verheißungsvolles, von einem Gottkaiser beherrschtes Land (Ransmayr 2018, S. 20).

Библейская история Ноя бесспорно является культурным знаком, имеющим ценностные смыслы, закрепившимся в «культурной» памяти. В рассматриваемом примере прецедентный оним «Ноев ковчег» оказывается еще и эвокативным шифтером, соединяющим ситуацию главного героя с архетипическим, культурно знаковым образом Ноя, порождая тем самым новые смыслы. Так, Алистер Кокс на своем Сириусе словно Ной со своим ковчегом снаряжается в длительное плавание только с ненастоящими животными, а с механическими животными-автоматами и готовится к новой, неизвестной жизни. Вызываемые культурно-интеллектуальные ассоциации, связанные с Ноевым ковчегом, оказывают суггестивный эффект, актуа-

лизируют в сознании читателя фрагмент утвердившегося в культуре значимого социального опыта – спасительное путешествие, знаменующее собой «новую жизнь».

3.3. Чанышева называет суггестию стратегией внушения и подчеркивает, что знаки языка культуры обладают мощным суггестивным потенциалом и воздействуют на реципиента таким образом, что он принимает на веру то, что не вытекает из его собственного эмпирического опыта [Чанышева 2012, с. 141].

М.В. Поварницына, суммируя разные подходы к изучению суггестии, приходит к выводу, что суггестия представляет собой такую ситуацию речевого воздействия, обеспечивающую восприятие информации и вызывая при этом определенные эмоции, образы и формируя установки без критической оценки, бессознательно. Более того, она подчеркивает, что одним из основных суггестивных приемов на лексическом и синтаксическом уровнях являются сравнения [Поварницына 2016, с. 119–121].

Основываясь на анализе эмпирического материала, можно прийти к выводу, что образные сравнения с прецедентными мифонимами в произведениях новейшей немецкоязычной литературы представляют собой эксплицитные эвокативные триггеры, апеллирующие к культурологическому опыту читателя, и реализуют не только экспрессивно-эстетическую функцию, но и культурно-интеллектуальную стратегию автора.

Прецедентные мифонимы могут использоваться в художественном дискурсе в составе композитов. В основе образования такого сложного существительного, а также его транспозиции в прилагательное, лежит транскатегориальная метонимия, базирующаяся на импликационной связи между носителем признака и самим признаком. У образованного прилагательного развивается качественное значение. В качестве примера можно привести мифоним *Janus* («Янус») из романа Кристофа Рансмайра «Кокс, или Бег времени». В немецкой традиции его наиболее употребительным вариантом является *Januskopf* («голова Януса»). Образованное от него прилагательное *janusköpfig* («двуликий, двусмысленный») выступает в составе образного сравнения в качестве признака сравнения при описании женщины, словно двуликий Янус, напомнившей Алистеру Коксу жену и дочь одновременно, ср.:

Cox, über dessen Werkbänke ganze Halden von Schmucksteinen gekollert waren, hatte dieses unterschiedliche Leuchten schon auf dem Kaiserkanal, schon an der Reling der Dschunke erkannt und war sicher, daß diese Hand nur der Frau, nur dem Mädchen gehören konnte, das auf dem Wasser der Da Yün hé an ihm vorübergeglitten war und ihn wie ein janusköpfiges Wesen in seine verstummte Frau und seine verlorene Tochter erinnert hatte (Ransmayr 2018, S. 70).

Продуктивно в сравнительных конструкциях используются и прецедентные литературные ан-

тропонимы. Например, знакомство главных героев романа Юли Цее «Über Menschen» Доры и ее соседа Готе сравнивается с общением Робинзона и Пятницы, причем неясно, кто из них является Робинзоном, а кто – Пятницей, ср.:

*Ein bisschen fühlt sich das an wie die Kommunikation zwischen **Robinson und Freitag**, nur ohne zu wissen, wer **Robinson** und wer **Freitag** ist. Auch Dora hebt einen Zeigefinger und deutet auf sich selbst* (Zeh 2021, S. 44).

В анализируемом примере функцию признака сравнения выполняет актуализируемый импликациональный признак прецедентных имен Робинзона и Пятницы «говорящие на разных на языках» Неожиданность сопоставления современных героев, говорящих на одном языке, но с трудом понимающих друг друга, с протагонистами Даниэля Дефо с приводит к комическому эффекту.

В качестве образа или эталона сравнения в художественном дискурсе могут использоваться и прецедентные антропонимы – имена известных личностей. Примером являются имена полярных исследователей Руаля Амундсена и Роберта Скотта в романе Бернхарда Шлинка «Ольга», с которыми главная героиня сравнивает своего возлюбленного, пытаясь понять цели и мотивы его действий в полярной экспедиции, ср.:

*Zwei haben Deine Expedition verlassen. Auch sie hattest Du belogen. Wolltest Du wie **Amundsen** sein? Das große Ziel erst verkünden, wenn es kein Zurück mehr gibt, nur noch Sieg oder Untergang? **Amundsen** wollte **Scott** zuvorkommen – wem willst Du zuvorkommen* (Schlink 2019, S. 220).

Имя собственное в качестве образа сравнения бесспорно повышает интерес к высказыванию, поскольку апеллирует к историческому контексту и задает направление интерпретации прочитанного. Сопоставляя героя произведения Герберта с погибшими во время полярных экспедиций и конкурирующих между собой Амундсеном и Скоттом, автор создает для читателя условия почувствовать дальнейшее развитие действия романа. Кроме того, привлечение автором мнимых или реальных личностей, аллюзий и реминисценций считается одним из важных фасциативных приемов, обеспечивающих успешное эмоциональное воздействие на реципиента, обладающее повышенной силой убеждения или внушения.

М.В. Поварничина, рассматривая разные подходы к изучению фасциативной стратегии, констатирует, что фасцинация понимается в лингвистике как специально организованное словесное воздействие с целью вызвать волнующий интерес, удивление, радость, восхищение, восторг, очарование, экстаз, шок, испуг, ужас [Поварничина 2016, с. 119]. Так, апелляция в художественном дискурсе как к именам известных личностей, так и к именам известных литературных персонажей делает сообщение более привлекательным и убедительным, поскольку они запускают ассоциативный механизм, облегчающий и определяющий процесс сравнения и оценки.

Прецедентные для немецкой лингвокультуры топонимы Кенигсберг и Берлин являются эталонами сравнения для Герберта, возлюбленного главной героини романа Бернхарда Шлинка «Ольга», когда речь идет о его мечтах и стремлениях в жизни. Герберту хочется покорить мир, ему хочется намного больше, чем представляют собой Кенигсберг и Берлин, ср.:

*Ich weiß nicht, was ich will. Ich will mehr; mehr als das hier, die Felder, das Gut, das Dorf, mehr als **Königsberg und Berlin** und mehr als die Garde, nicht weil es die Garde zu Fuß ist, mit der Garde zu Pferd wäre es nicht anders. Ich will das, das all das hinter sich lässt* (Schlink 2019, S. 34).

В приведенном примере сравнение строится на актуализации импликационального признаков топонимов «крупнейшие города и культурные центры того времени», и создает дополнительную образность, рисуя в воображении читателя пространственные границы Пруссии и желание героя вырваться за ее пределы.

В функциональной классификации образные сравнения выполняют экспрессивно-эмоциональную или образную функции (Степанова 2006, с. 8). Как показывает анализ приведенных примеров, сравнения с прецедентными именами строятся на основе актуализации импликациональных признаков имени, за счет которых происходит формирование новых, дополнительных смыслов. Назначение этих сравнительных конструкций заключается в выражении характеристики или оценки каких-нибудь свойств личности или явления. Таким образом, можно констатировать, что прецедентные антропонимы, литературные имена, мифонимы, библейские имена и топонимы в составе образных сравнений запускают эвокативный механизм, выполняющий в художественном дискурсе функции суггестии и фасцинации, а также позволяют автору реализовывать культурно-интеллектуальную коммуникативную стратегию.

Метафоризацию прецедентных имен мы рассматриваем как один из случаев их тропеического варьирования в художественном дискурсе. Метафора, в свою очередь, тоже считается триггером эвокативности (Беданоква 2018, с. 28). Метафорические антропонимические номинации используются в художественном дискурсе для характеристики человека, его внешности, характера и деятельности. В качестве подтверждения приведем пример из романа Юли Цее «Über Menschen». Для получения представлений о личностных изменениях главной героини Доры автор романа использует образы Bonnie und Clyde («Бонни и Клайд») из одноименного американского криминального фильма 1967 года режиссера Артура Пенна. Образы Бонни и Клайда стали созвучны настроениям молодежи 1960-х годов и отражали бунтарство и поиск романтики одновременно. Именно эти признаки являются наиболее вероятной импликацией из интенционала их значения, которые ложатся в основу метафорического преобразования

имен. Героиня сама дает оценку своим внутренним изменениям и переменам в жизни, олицетворяя себя саму с криминальной парой, ср.:

*Einige Kilometer hinter Bracken beruhigt sich ihr Herzschlag. Sie passt die Geschwindigkeit an, öffnet das Fenster und genießt es, wie der Fahrwind den Geruch des Waldes heranträgt. Eine kleine Frau in einem großen Auto. **Bonnie und Clyde** in einer Person. Was Robert wohl sagen würde, wenn er sie in dieser Höllenmaschine sähe? „Du hast dich sehr verändert, Dora“ (Zeh 2021, S. 294).*

В новейшем немецком художественном дискурсе отчетливо наблюдается экспансия голливудских ценностей, реализующаяся через микросистему прецедентных имен и названий из американских фильмов. Герои известных, популярных фильмов, отличающиеся емкостью образа и высокой художественной обобщенностью, становятся как носителями нового мировоззренческого содержания, так и новыми «вечными образами», транслирующими ценности современного общества, а их имена превращаются в универсально-прецедентные. Так, прецедентное имя центрального персонажа популярной американской киносаги «Звездные войны» Darth Vader («Дарт Вейдер») стало воплощением зла, темной силы в современной культуре и используется в качестве метафоры для обозначения зла. Метафоризация имени приводит к отходу самого образа на второй план и обеспечивает выход на поверхность абстрактного знаково-символического содержания. В процессе актуализации импликационных признаков происходит порождение нового смысла. Например, главная героиня романа Юли Цее называет глиобластому головного мозга Дарт Вейдером в маскировочном костюме, ср.:

*Alles ist, wie es sein soll. Nur ein Begriff ist hinzugekommen. Raumforderung. Was freundlicher klingt als Glioblastom. **Darth Vader** im frühlingfarbenen Tarnungsanzug (Zeh 2021, S. 286).*

Метафоризация онима Дарт Вейдер служит здесь конкретизации представления о неизлечимой болезни как зле, которое невозможно победить. Яркий, запоминающийся образ Дарт Вейдера оказывает на восприятие читателя эмоциональное воздействие, создавая суггестивный и фасциативный эффекты.

В художественном дискурсе метафоризируются и сами названия художественных фильмов – прецедентные хремотонимы. Отчасти это можно объяснить тем, что часть названий уже изначально понимаются метафорически, и современные писатели включают их в тексты своих произведений, учитывая их тропеический потенциал. В основе их высокой тропеичности лежат такие характеристики, как сложный состав (образуются соединением нескольких компонентов), образное переосмысление, постоянство состава, воспроизводимость в речи в готовом виде, непроницаемость структуры, устойчивость грамматической формы компонентов. В качестве примера можно

привести название американского художественного фильма *Der Feind in meinem Bett* («В постели с врагом») (*Sleeping with the Enemy*, 1991) из романа Юдит Шалански «Шея жирафа», ср.:

*Der Schwulenkrankheit. Es war wirklich das klügste aller Viren. Seine Taktik war geradezu genial. Dass es ausgerechnet das Immunsystem angriff, das den Körper doch vor Infektionen schützen sollte. Ein Thriller. **Der Feind in meinem Bett**. Es war nur konsequent: Mit der Sexualität kam auch der Tod in die Welt (Schalansky 2013, S.129).*

В приведенном контексте название фильма используется для характеристики коварства протекания такой инфекции как ВИЧ и способа заражения, намекается на связь болезни и сексуальности. Этот вирус словно триллер вызывает у человека ощущения тревоги и страха. Главная героиня романа дает эмоциональную оценку этой болезни и выражает к ней отношение.

Метафоризация прецедентных имен и названий базируется на ассоциациях, связанных с культурным или культурно-историческим контекстами, что составляет их основное отличие от метафорических преобразований, восходящих к физическому опыту. Метафоры, возникающие на основе культурного опыта, человек использует сознательно, с целью сформировать, прояснить какой-нибудь концепт или слово к нему отношение. Более того, метафора позволяет авторам управлять интерпретацией прочитанного неявно, скрыто. Непрямая коммуникация оказывает скрытое воздействие на читателя с целью внушить ему определенные установки и убеждения. Метафора как эффективный инструмент скрытого воздействия выполняет функцию эвокативного шифтера и триггера одновременно, вызывает определенные ассоциации, что создает благоприятные условия для присвоения читателем чужой оценки, убеждений и мнений.

В основе метафоризации лежит классификационный тип связи значений. Данный тип концептуальной связи устанавливается между двумя концептами в сознании, но отражает не какое-то реальное взаимодействие между соответствующими сущностями, а общность присущих им признаков. Метафорические прецедентные антропонимы позволяют выразить говорящему свой субъективный опыт и представления через признаки и образ прецедентного онима. Например, Дора, героиня романа Юли Цее, воспринимает Грету Тунберг, шведскую экологическую активистку, как бомбу, взорвавшую ее жизнь, лишившую ее спокойствия и счастья, ср.:

*Sie (Dora) mochte Robert, Jochen und die Kreuzberger Wohnung. Sie hatte genug Geld und einen Job, der ihr gefiel. Nichts fehlte und nichts störte. Bis **Greta Thunberg** in ihr Leben trat (Zeh 2021, S. 64).*

Концепт «спокойная, счастливая жизнь» взаимодействует с концептом имени Greta Thunberg. В современном мире Грета Тунберг стала воплощением развенчивания мифа безопасного суще-

ствования мира. Она активно продвигает мнение о неизбежном экзистенциальном кризисе человечества в результате изменения климата. В процессе интеракции первый концепт получает имя второго, который приобретает метафорическое значение «жизнь полная страхов и тревог». Имя Греты Тунберг вызывают следующие импликации: чувство страха, хрупкости мира, потеря ощущения безопасности и защищенности. Эти признаки образуют противоположный полюс ключевого для немецкой культуры концепта SICHERHEIT / БЕЗОПАСНОСТЬ и актуализируют в сознании читателя концепт СТРАХ, что приводит читателя к мысли об изменении миропорядка.

Антропонимические метонимии способствуют становлению нового концепта в сознании читателей. Метонимии подобного рода используются для характеристики явлений, ситуаций и событий. В качестве примера рассмотрим прецедентное для немецкой культуры имя Alexander Gerst ('Александр Герст'). Александр Герст – популярная личность, ученый-геофизик и космонавт ФРГ, его образ становится олицетворением стремлений современного немца к бегству от реальности в другие миры. Поэтому его имя используется для прояснения и характеристики актуального сегодня виртуального эскапизма на фоне расцветающего социального аутизма. Героиня романа Юли Цее *Über Menschen* размышляет о своем одиночестве, анализирует кого или чего же ей на самой деле не хватает, приходит к выводу, что скучает она только по видео с космонавтом Герстом, ср.:

Sie überlegt, ob sie wirklich einsam ist. ... Was sie erschreckt, ist die Frage, ob sie überhaupt etwas vermisst. Eigentlich vermisst sie nur Alexander Gerst (Zeh 2021, S.97).

В рассматриваемом примере называется только носитель образа, все остальные компоненты имплицитно. Тип метонимии «деятель – продукт его деятельности», т. е. «Александр Герст – его космические полеты» создают импликации ухода в другой мир. Метонимизация прецедентного имени дает ключ к пониманию культурного концепта «ВИРТУАЛЬНЫЙ ЭСКАПИЗМ». Согласно теории импликации И.В. Арнольд, образные импликации от имен собственных особенно продуктивны и имеют большую ассоциативную нагрузку. Они способны передавать субъективно-оценочную и эмоциональную информацию. Образ в этом случае оказывается средством повышения экспрессивности, эмоциональности и создания эстетического эффекта, средством компрессии, а также выступает фактором интенсификации сотворчества автора и читателя [Арнольд 1982, с. 88–89].

Использование прецедентных имен и названий в художественном дискурсе представляет собой одно из явлений непрямого коммуникации, а их тропеизация служит приемом фасциативной коммуникативной стратегии автора, воздействующей на понимание и интерпретацию читателей семантически значимой информации с точки зрения убеждения и внушения, подталкивающей адресата

к эмоционально-экспрессивной оценке сообщения.

Е.В. Омельченко трактует фасцинацию именно как воздействие с целью интенсификации восприятия и освоения информации реципиентом через эмоциональный канал восприятия и отмечает объединение убеждения и внушения в этой коммуникативной стратегии [Омельченко 2013, с. 136].

Выражение эмоционально-оценочного отношения говорящего через образ прецедентного имени и связанные с ним ассоциации можно проследить на примере имени сказочного персонажа Eiskönigin ('Снежная королева'). Ее образ олицетворяет собой холод и равнодушное отношение к людям, бесчувственность, коварство и жестокость, у нее нет сердца и души. Именно эти импликационные признаки становятся задействованными при метафорическом преобразовании прецедентного имени. Так, Инге Ломарк, героиня романа Юдит Шалански «Шея жирафа», вспоминает свою мать, ее красоту и привлекательность, называя ее Снежной королевой, ср.:

Eine einfältige Frau. Kühl. In ihrer Jugend vielleicht reizvoll. Später aber war ihre Schönheit nichts als eine kühne Behauptung gewesen. Sie war bestenfalls gepflegt. Noch im Krankenhaus machte sie sich zurecht. Wächserner Glanz. Eine Eiskönigin. Augen wie böhmisches Glas. Kunstvoll, durchsichtig, ohne Grund (Schalansky 2013, S. 123).

Метафорическое употребление прецедентного имени является инструментом образного изображения, выступает эстетическим средством выразительности, а также эвокативным триггером, продуцирующим скрытые смыслы. Так, в тексте описывается только внешность матери героини, но прецедентное имя Снежная королева подталкивает читателя делать выводы о ее характере и холодных отношениях с дочерью. Метафоризация как прием фасциативной коммуникативной стратегии придает информации аттрактивную эстетическую форму с суггестивным эффектом, иначе говоря, порождает дополнительные имплицитные смыслы, воспринимаемые читателем без критики и полемики.

Заключение

При изучении художественного дискурса прецедентность как когнитивная категория занимает прочные позиции, поскольку позволяет исследователям рассматривать источники и способы формирования интертекстуального пространства лингвокультуры, а также эвокативный механизм возникновения дополнительных, скрытых смыслов.

Прецедентные имена и названия как основной способ ввода прецедентных феноменов в немецкий художественный дискурс представляют собой явление, играющее важную роль как на содержательном, так и на языковом уровне. В плане содержания прецедентные имена служат эвокативными шифрами, обеспечивающими переключение между раз-

личными концептуальными областями и актуализирующими лингвокультурные концепты.

Прецедентные онимы обладают свойством эвокативности, которое обуславливается областью сильного импликационала в структуре их значения. Использование прецедентных имен и названий в виде тропов, а именно – образных сравнений, метафор и метонимий базируется на актуализации их импликациональных признаков, что позволяет им выполнять функцию эвокативных триггеров, создающих импликации. Прецедентные онимы обладают большой ассоциативной нагрузкой и позволяют додумывать и догадываться об опущенной или подразумеваемой авторами информации. На этом основании их можно считать не только знаками культурно значимой информации, но и маркерами имплицитности в художественном дискурсе.

Использование прецедентных имен и названий в художественном дискурсе представляет собой осознанный прием. Это культурно-интеллектуальная коммуникативная стратегия, позволяющая авторам управлять восприятием и интерпретацией прочитанного. Анализ состава прецедентного ономастикона произведений новейшей немецкой литературы позволяет делать выводы об источни-

ках прецедентных феноменов, которые отражают актуальные и доминирующие для современного общества культурные и социальные тренды, определяющие социально-историческую и культурную идентичность. Так, в произведениях новейшей немецкой литературы особого внимания заслуживают употребление имен из фильмов *эскапистских жанров фэнтези и фильмов-катастроф*, а также сами названия фильмов и вызываемые ими импликации. В настоящее время именно кинематограф продуцирует персонажей, выражающих значимое мировоззренческое содержание и, следовательно, становится основным источником пополнения прецедентного ономастического пространства.

Эвокативная функция прецедентных имен в немецком новейшем художественном дискурсе как механизм создания дополнительных имплицитных смыслов дополняется фасциативной и суггестивной. При этом фасцинация придает информации аттрактивную форму, а суггестивность заставляет читателя воспринимать ее неосознанно. Таким образом прецедентные онимы реализуют тенденцию к имплицитности, фасциативности и суггестивности, что способствует увеличению экспрессивности, эмоциональности и эстетического воздействия художественного текста в целом.

Материалы исследования

Bernhard Schlink 2019 – *Schlink B.* Olga. Zürich: Diogenes Verlag AG, 2019. 311 S.

Judith Schalansky 2013 – *Schalansky J.* Der Hals der Giraffe. Berlin: Suhrkamp, 2013. 222 S.

Juli Zeh 2021 – *Zeh J.* Über Menschen. München: Luchterhand, 2021. 412 S.

Christoph Ransmayr 2018 – *Ransmayr, C.* Cox oder Der Lauf der Zeit. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2018. 317 S.

Беданоква 2018 – *Беданоква З.К.* Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речезыковая форма (на примере российской рекламы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; 10.02.01 / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2018. 44 с. URL: <https://dissertations.tversu.ru/councils/3/dissertations/148>.

Блинова 2007 – *Блинова Ю.А.* Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: 10.02.04 «Германские языки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 23 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15860024>.

Степанова 2006 – *Степанова А.В.* Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.): 10.02.04 «Германские языки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 21 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30329187>.

Библиографический список

Kohlheim 2019 – *Kohlheim V.* Der Name in der Literatur. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH, 2019. 371 S.

Horstmann 2001 – *Horstmann U.* Die Namen in Edmund Spensers Versepos. The Faerie Queene: Immortal Name, Memorable Name, Well-becoming Name. Münster: Lrr, 2001. 319 S.

Арнольд 1982 – *Арнольд И.В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–91. URL: <https://philologos.narod.ru/ling/arnold-implication.pdf>.

Беданоква 2015 – *Беданоква З.К.* Эвокативность как свойство и жанр импликативной коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 4 (168). С. 21–27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25460680>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vlebhf>.

Каменская 2021 – *Каменская И.Б., Ибрагимова Ф.И.* Прецедентность как когнитивная категория художественного дискурса // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: материалы IV Международной научно-практической конференции, Евпатория, 07–08.10.2021 г. Симферополь: Индивидуальный предприниматель Корниенко А.А., 2021. С. 112–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47443168>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yamlin>.

Коновалова 2016 – Коновалова М.В. Использование термина «эвокация» в зарубежной и отечественной науке // *Филология и человек*. 2016. № 3. С. 19–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27339948>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xahhpc>.

Омельченко 2013 – Омельченко Е.В. Fascinating component in indirect communication // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 1 (19). С. 136–139. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/1/37.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18241022>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pjejpr>.

Поварницына 2016 – Поварницына М.В. Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креолизованном тексте // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2016. № 2 (106). С. 117–124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26021590>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vxletv>.

Хабаров 2021 – Хабаров А.А. Специфика экспликации эвокативности в идеологическом дискурсе // *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*. 2021. № 26–2. С. 110–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47941548>. EDN: <https://elibrary.ru/thekzc>.

Чанышева 2012 – Чанышева З.З. Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакommunikации // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2012. Т. 1, № 3. С. 140–147. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18236378>. EDN: <https://elibrary.ru/pjbsxn>.

References

Kohlheim 2019 – Kohlheim V. *Der Name in der Literatur*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH, 2019. 371 S.

Horstmann 2001 – Horstmann U. Die Namen in Edmund Spensers *Versepos*. The Faerie Queene: Immortal Name, Memorable Name, Well-becoming Name. Münster: Lrr, 2001. 319 S.

Arnold 1982 – Arnold I.V. (1982) Implication as a method of constructing a text and a subject of philological study. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 4, pp. 83–91. Available at: <https://philologos.narod.ru/ling/arnold-implication.pdf>. (In Russ.)

Bedanokova 2015 – Bedanokova Z.K. (2015) Evocativeness as property and genre of implicative communication. *The Bulletin of the Adyge State University, the series «Philology and the Arts»*, no. 4 (168), pp. 21–27. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25460680>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vlebhf>. (In Russ.)

Kamenskaya 2021 – Kamenskaya I.B., Ibragimova F.I. (2021) Precedent as a cognitive category of artistic discourse. In: *Formation of professional competence of a philologist in a multicultural educational environment: proceedings of the IV International research and practical conference, Yevpatoria, 07–08.10.2021*. Simferopol: Individual'nyi predprinimatel' Kornienko A.A., pp. 112–117. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47443168>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yamlin>. (In Russ.)

Konovvalova 2016 – Konovvalova M.V. (2016) Use of the term «evocation» in foreign and domestic science. *Philology and Man*, no. 3, pp. 19–28. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27339948>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xahhpc>. (In Russ.)

Omel'chenko 2013 – Omel'chenko E.V. (2013) Fascination component in indirect communication. *Philology. Theory & Practice*, no. 1 (19), pp. 136–139. Available at: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/1/37.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18241022>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pjejpr>. (In Russ.)

Povarnitsyna 2016 – Povarnitsyna M.V. (2016). Manipulation, suggestion, attraction and fascination in a creolized text. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 2 (106), pp. 117–124. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26021590>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vxletv>. (In Russ.)

Khabarov 2021 – Khabarov A.A. (2021) Specificity of explicating evocativity in ideological discourse. *Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects*, no. 26–2, pp. 110–112. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47941548>. EDN: <https://elibrary.ru/thekzc>. (In Russ.)

Chanysheva 2012 – Chanysheva Z. (2012) Suggestive effects of linguocultural signs in mass media communication. *Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 1, no. 3, pp. 140–147. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18236378>. EDN: <https://elibrary.ru/pjbsxn>. (In Russ.)